ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ
https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2026.23-1.8
УДК 004.8, 338.28
JEL E02, F50, O14

CC BY 4.0
OPEN ACCESS

Проблемы стратегического развития ИИ: институциональные ловушки и вызовы[1]

Ольга Н. БУЧИНСКАЯ ✉
Институт экономики УрО РАН, г. Екатеринбург, Российская Федерация

Для цитирования: Бучинская, О. Н. (2026). Проблемы стратегического развития ИИ: институциональные ловушки и вызовы. *AlterEconomics, 23*(1), 122–143. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2026.23-1.8

Аннотация. Актуальность настоящего исследования определяется тремя ключевыми факторами: возрастающей ролью цифровизации и искусственного интеллекта в формировании глобального ландшафта, обострением конкуренции между странами – лидерами в данной сфере, а также насущной потребностью в преодолении технологического отставания России. Предметом исследования выступают проблемы и перспективы стратегического развития искусственного интеллекта в России на фоне анализа мирового опыта. Цель работы заключается в комплексном анализе существующих стратегий развития искусственного интеллекта в ведущих странах мира (США, Китай, ЕС, Великобритания), выявлении институциональных ловушек и системных барьеров, актуальных в том числе и для России, а также в формулировании практических рекомендаций по совершенствованию отечественной стратегии в этой области. Методологическую базу исследования составляют анализ академической литературы, изучение стратегических документов и программ в сфере искусственного интеллекта, а также мониторинг актуальных тенденций его развития. В результате исследования систематизированы ключевые направления национальных стратегий развития искусственного интеллекта зарубежных стран, выявлены основные институциональные барьеры, сдерживающие развитие искусственного интеллекта как за рубежом, так и в России, сформулированы рекомендации по преодолению технологического отставания: от усиления патентной активности и перехода к разработке технологий следующего поколения до устранения институциональных проблем, ограничивающих потенциал внедрения искусственного интеллекта в российскую экономику и социальную сферу. Теоретическая новизна исследования состоит в комплексном анализе институциональных проблем развития искусственного интеллекта в России с учётом международного опыта и в выработке конкретных направлений совершенствования национальной стратегии. Практическая значимость полученных результатов заключается в возможности их применения при формировании государственной политики в сфере искусственного интеллекта, разработке программ поддержки инноваций и научных исследований, совершенствовании нормативно-правовой базы, реализации мер по преодолению цифрового неравенства и координации действий органов государственной власти в сфере искусственного интеллекта.

Ключевые слова: искусственный интеллект, информационно-коммуникационные технологии, национальная стратегия, информационное общество, институциональная ловушка

[1] © Бучинская О. Н. Текст. 2026.

RESEARCH ARTICLE

Problems of Strategic Development of AI Technologies: Institutional Traps and Challenges

Olga N. BUCHINSKAIA ✉
Institute of Economics of the Ural Branch of RAS, Ekaterinburg, Russian Federation

For citation: Buchinskaia, O. N. (2026). Problems of Strategic Development of AI Technologies: Institutional Traps and Challenges. *AlterEconomics, 23*(1), 122–143. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2026.23-1.8

Abstract. The relevance of this study stems from three key factors: the growing role of digitalization and artificial intelligence in shaping the global landscape, intensifying competition among leading nations in this domain, and the pressing need to overcome Russia's technological lag. The study examines the problems and prospects for the strategic development of artificial intelligence in Russia against the backdrop of global experience. The research aims to conduct a comprehensive analysis of existing AI development strategies in the world's leading countries (the USA, China, the EU, and the UK), identify institutional traps and systemic barriers relevant to Russia, and formulate practical recommendations for improving the national strategy in this area. The research is based on an analysis of scholarly literature, a review of strategic documents and AI programs, and monitoring of current developmental trends. The results systematize the key directions of national AI development strategies in other leading nations and identify the main institutional barriers to AI development, both in Russia and worldwide. The study proposes a set of recommendations for overcoming the technological lag, from increasing patent activity and shifting focus toward next-generation technologies to eliminating institutional problems that limit the potential for integrating AI into the Russian economy and social sphere. The research contributes a comprehensive analysis of institutional challenges facing AI development in Russia, incorporating international experience, and proposes concrete directions for improving the national strategy. The findings can guide governmental AI policies, innovation programs, regulatory enhancements, measures to mitigate digital inequality, and coordination among governmental bodies in the AI sphere.

Keywords: Artificial intelligence, information and communication technologies, national strategy, information society, institutional trap

1. Введение

Развитие информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и систем искусственного интеллекта (ИИ) оказывает всё большее влияние как на развитие промышленности, так и на экономику страны в целом, порождая новые способы производства и повышения производительности труда, а также развитие кардинально новых способов взаимодействия между экономическими агентами. Соответственно, вопрос достижения страной лидирующих позиций в экономике непосредственно связан с достижением лидерства в области ИКТ и ИИ, что отмечается в ряде программных документов страны, таких как «Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года»[1], «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы»[2],

[1] Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года. (2024). В редакции Указа Президента Российской Федерации от 15.02.2024 № 124. [Электронный ресурс]. https://science-expert.ru/docs/Национальная%20стратегия%20развития%20искусственного%20интеллекта%20на%20период%20до%202030%20года.pdf (дата обращения: 01.02.2026).

[2] Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы». (2017). [Электронный ресурс]. https://base.garant.ru/71670570/?ysclid=mf10pr3qy5763386147 (дата обращения: 01.02.2026).

«Концепция технологического развития на период до 2030 года»[1], «Стратегия развития отрасли связи Российской Федерации на период до 2035 года»[2], «Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации»[3] и др. Однако на сегодняшний момент Россия не является одним из мировых лидеров в развитии цифровых технологий. Поскольку внедрение ИИ в производство и социальную сферу становится неизбежной частью эволюционного процесса и перехода к Индустрии 5.0, большинство стран мира и в первую очередь страны-лидеры разрабатывают собственные национальные стратегии по внедрению ИИ.

Целью настоящего исследования стало качественное рассмотрение и анализ существующих стратегий развития ИИ в ведущих странах на примере США, Китая, ЕС и Великобритании, а также выявление институциональных ловушек и барьеров для развития ИИ как в данных странах, так и в России, на основе чего нами были сформулированы рекомендации по совершенствованию стратегии развития ИИ в России.

2. Обзор литературы

В современном мире информационные технологии всё больше проникают в жизнь общества и во многом определяют положение страны на мировой арене, ввиду чего мы видим не только увеличивающийся разрыв между развитыми и большинством развивающихся стран в области цифровых технологий, но также и усиление соперничества между странами – лидерами в области цифровизации.

П. М. Мах (Mah, 2024) на основе анализа 62 национальных стратегий выделяет 6 их основных элементов: национальные интересы ИИ, национальные приоритеты ИИ, внимание ИИ на национальном уровне, эффективность ИИ на национальном уровне, инвестиции в ИИ на национальном уровне и рейтинг ИИ на национальном уровне, выделяя американскую и китайскую национальные стратегии как наиболее продвинутые. Н. Майк при анализе американской, европейской и китайской стратегий развития ИИ говорит о различии подходов: если американский подход основывается на саморегулировании промышленности, а Китай — на сильной роли государства, то Европейский союз, в частности, опирается на комплекс принципов по открытости, безопасности и мониторингу ИИ (Mike, 2024). М. Молхова и П. Беолчева (Molhova & Biolcheva, 2023) выделяют такие направления политики ЕС для достижения цифрового лидерства, как развитие патентования технологий, что во многом касается умных подключаемых устройств для малого и среднего бизнеса и хорошо организованную финансовую среду для стимулирования инноваций и научных исследований. Однако авторы при этом отмечают неоднород-

[1] Правительство Российской Федерации. (2023). *Концепция технологического развития на период до 2030 года*. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 20 мая 2023 г. № 1315-р. [Электронный ресурс]. http://static.government.ru/media/files/KlJ6A00A1K5t8Aw93NfRG6P8OIbBp18F.pdf (дата обращения: 01.02.2026).

[2] Стратегия развития отрасли связи Российской Федерации на период до 2035 года. (2023). Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 24 ноября 2023 г. № 3339-р. [Электронный ресурс]. http://static.government.ru/media/files/Pc7fHuejbNvqv17b0RJNv0RIqTo20lUV.pdf (дата обращения: 01.02.2026).

[3] Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации. (2024). Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 28 февраля 2024 г. № 145. [Электронный ресурс]. https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408518353/ (дата обращения: 01.02.2026).

ность инновационного развития между западноевропейским и юго-восточным регионами Евросоюза.

М. Буитен (Buiten, 2019) приводит аргументы, что многие риски в использовании ИИ еще не выявлены, и говорит о важности прозрачности вводимых данных, процессов принятия решения алгоритмом, а также в отношении результатов или решений алгоритма, подразумевая возможность неверности результатов и решений, принятых с помощью алгоритма, или их вредности, например, в виде (статистической) дискриминации. Н. Сун и соавторы приводят такие проблемные направления регулирования ИИ, как отставание нормативно-правовой базы от развития технологий и способов их негативного использования, необходимость учета технической сложности происходящих процессов для построения нормативно-законодательной базы и глобальная стандартизация (поскольку текущая фрагментация национальных стандартов создает различия в правовой определенности и доступе к рынкам для операторов искусственного интеллекта), необходимость междисциплинарного сотрудничества со специалистами тех отраслей, куда внедряются элементы искусственного интеллекта, а также социологов для определения влияния ИИ на общество, обеспечения баланса между технологическим прогрессом и социальным благополучием. Авторы обращают внимание на обеспечение баланса между технологическим прогрессом и социальным благополучием, в т. ч. с учетом изменения на рынке труда (Sun et al., 2024). А. Джобин и коллеги выделяют проблематику регулирования этических принципов ИИ, существенные расхождения между этическими принципами, выделяемыми в отношении взаимодействия ИИ и общества в различных странах, которые свидетельствуют о неопределенности в отношении того, каким этическим принципам следует уделять приоритетное внимание и как следует разрешать конфликты между этическими принципами (Jobin et al., 2019). Р. Раду отмечает концентрацию технологий в частных руках и всё большую роль технологических компаний в управлении без явного предположения о балансе сил между государственным и частным секторами, формируя гибридное управление развитием ИИ. При этом стратегии большинства стран в области ИИ редко включают в себя конечных пользователей этих технологий в качестве особой группы для политического диалога (Radu, 2021). В то время как И. Хиджаталин и Х. Сигурдасон отмечают, что вовлечение граждан является приоритетом в стратегиях искусственного интеллекта (Hjaltalin & Sigurdarson, 2024).

М. Ю. Лучинкин и В. И. Хабаров выделяют три угрозы инновационного развития компьютерных технологий: помимо вопросов общей безопасности применения компьютерных технологий, они подчеркивают увеличение финансовых рисков для обычных людей и предпринимателей, а также проблемы экономического и политического давления на конкурентов со стороны стран — лидеров в области ИКТ (Лучинкин, Хабаров, 2021). А. Н. Фомина выделяет такие барьеры для развития российского рынка ИИ, как нехватка финансовых ресурсов, высокая стоимость ИИ-решений, недостаточная цифровая зрелость текущих процессов, низкий уровень автоматизации, отсутствие ИИ-компетенций, низкий уровень цифровой грамотности сотрудников, положения законодательства о защите данных с технологиями ИИ и др. (Фомина, 2022).

И. Э. Фролов и В. Н. Киселев в рекомендациях по развитию ИИ в России предлагают осуществлять его не программно-целевым, а проектно-целевым подходом, ориентируясь на централизованном формировании исследовательских команд,

обладающих достаточной квалификацией и опытом, в сочетании с мониторингом со стороны государства и управлении реализацией приоритетных проектов технологического развития (Фролов, Киселев, 2025). Л. Р. Магомаева и соавторы рекомендуют в качестве развития национальной стратегии перейти от попыток разработки конкретных вариантов рекомендаций к точечным решениям на основе общекорпоративной дорожной карты (Магомаева и др., 2024). К. Но рассматривает стратегическое использование ИИ как некий «Новый курс» и рекомендует для его развития концепцию из пяти основных стратегий: 1) активизация индустрии социальных услуг предоставляемых частным сектором с использованием ИИ; 2) развитие инклюзивных инновационных городов с использованием ИИ; 3) общенациональное обучение всех граждан навыкам использования ИИ; 4) строительство энергонезависимых интеллектуальных городов; 5) внедрение управляемой ИИ государственной инновационной системы для создания новых рынков (Noh, 2025).

3. Методология исследования

Методология данного исследования основана на качественных методах анализа, включающих анализ академической литературы, а также документов, программ и стратегий развития, наблюдение и отслеживание тенденций в развитии искусственного интеллекта и информационно-коммуникационных технологий как в России, так и в зарубежных странах. Если большинство зарубежных исследований сосредоточено на количественном подходе к анализу стратегий, то в данной статье мы использовали более глубокий анализ национальных стратегий отдельных стран. Для анализа нами были выбраны США и Китай как мировые лидеры, а также Евросоюз и Великобритания как страны, стремящиеся потеснить мировых лидеров в развитии ИИ, что позволяет изучить проблему подхода к развитию ИИ в разных условиях с различных точек зрения.

На основании анализа государственных стратегий были выделены их сильные и слабые стороны, а также институциональные ловушки, которые замедляют эффективное развитие ИИ в данных странах и с которыми может столкнуться и Россия в рамках реализации собственной национальной стратегии развития ИИ.

4. Стратегии развития ИИ: мировой опыт

Национальная стратегия Соединенных Штатов в области искусственного интеллекта изложена в «Американском плане действий в области искусственного интеллекта»[1] и обновлениях к Национальному стратегическому плану исследований и разработок в области искусственного интеллекта[2]. Данная стратегия делает акцент на ускорении инноваций, создании инфраструктуры и продвижении глобального лидерства, при этом основное внимание уделяется дерегулированию и доминированию частного сектора. Также необходимо отметить однозначное стремление США к роли лидера в области ИИ, которое выражается не только

[1] America's AI Action Plan. (2025). [Электронный ресурс]. https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2025/07/Americas-AI-Action-Plan.pdf (дата обращения: 01.02.2026).

[2] National artificial intelligence research and development strategic plan 2023 update. (2023). *A Report by the Select committee on artificial intelligence of the national science and technology council May 2023*. [Электронный ресурс]. https://www.nitrd.gov/pubs/National-Artificial-Intelligence-Research-and-Development-Strategic-Plan-2023-Update.pdf (дата обращения: 01.02.2026).

в плане действий, но также и в дополнении 2023 г. к Национальному стратегическому плану исследований и разработок в области искусственного интеллекта, в который была внесена дополнительная стратегия, устанавливающая принципиальный и скоординированный подход к международному сотрудничеству в области исследований ИИ с лидирующей роли США как научного центра, а также распространение стандартов, принятых в США по всему миру, и вопросы передачи и защиты данных. В целом американскую стратегию на основе Американского плана действий в области искусственного интеллекта можно представить в виде схемы (рис. 1).

Национальные стратегии ЕС в области искусственного интеллекта согласуются с общей европейской стратегией блока в области ИИ, которая подчеркивает превосходство и доверие, чтобы позиционировать Европу как мирового лидера в области надежного искусственного интеллекта. Эта концепция определяет индивидуальные национальные стратегии государств-членов. Согласно континентальному плану развития ИИ, ЕС выделяет 5 направлений для стратегического развития, представленных на рисунке 2[1]. Кроме того, в 2025 г. была выпущена прикладная стратегия по применению ИИ в ЕС[2], в которой перечисляются приоритетные отрасли для применения ИИ, включающие здравоохранение и фармацевтику, роботостроение, промышленные инженерные и строительные работы, оборону и космические программы, транспорт, электронную коммуникацию, энергетику, защиту окружающей среды и контроль над климатом, агропромышленный сектор, а также отрасли креативной экономики, медиа и общественный сектор. В рамках данной стратегии планируется увеличить возможности использования ИИ для малого и среднего бизнеса посредством Европейских центров цифровых инноваций, повышение навыков работы с ИИ у работников, использование ИИ как отдельного фактора производства, повышения доверия к европейскому рынку ИИ, обеспечение единого механизма регулирования. Отдельно в 2025 г. была принята Европейская стратегия использования искусственного интеллекта в науке[3], которая призвана обеспечить европейским исследователям возможности для исследований и кооперацию с фабриками и гигафабриками ИИ, а также частным сектором и индустриальными партнерами, таким образом планируется аккумулировать поиск и привлечение исследователей, доступ к данным и вычислительным мощностям, а также к финансированию исследований.

Британская стратегия в области ИИ сосредоточена на обеспечении: 1) инвестирования в долгосрочные потребности экосистемы ИИ; 2) пользы от ИИ всем секторам и регионам; 3) эффективного управления ИИ, за счет чего страна планирует потеснить США и Китай в статусе сверхдержавы в области науки и техники. Стратегический план действий по использованию ИИ[4] содержит 50 пунктов, часть из которых достаточно детальна и включает конкретные сроки, укрупненно образующие такие направления, как создание достаточной, безопасной и устойчивой

[1] The AI Continent Action Plan. (2025). [Электронный ресурс]. https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/ai-continent-action-plan (дата обращения: 01.02.2026).

[2] European Commission. (2025, October 08). *Apply AI Strategy*. [Электронный ресурс]. https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:52025DC0723 (дата обращения: 01.02.2026).

[3] European Commission. (2025, October 08). *A European Strategy for Artificial Intelligence in Science*. [Электронный ресурс]. https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:52025DC0724 (дата обращения: 01.02.2026).

[4] AI Opportunities Action Plan. (2025). [Электронный ресурс]. https://www.gov.uk/government/publications/ai-opportunities-action-plan/ai-opportunities-action-plan (дата обращения: 01.02.2026).

Ускорение внедрения инноваций в области ИИ

- Снижение барьеров и дерегулирование
- Соответствие передовых ИИ свободе слова и национальным ценностям
- Поощение использования ИИ с открытым исходным кодом и открытыми параметрами
- Поошрение применения ИИ
- Расширение прав и возможностей американских работников через ИИ
- Поддержка производств нового поколения
- Инвестиции в использование ИИ в науке
- Создание научных наборов данных мирового класса
- Развитие научных исследований в области ИИ
- Инвестиции в прорывы в области интерпретируемости, контроля и надежности ИИ
- Создание экосистемы оценки ИИ
- Развитие применения ИИ правительством
- Внедрение ИИ в Министерстве обороны
- Защита коммерческих и государственных инноваций в области ИИ
- Противодействие искусственным медиа и дипфейкам в правовом поле

Построение американской инфраструктуры ИИ

- Создание упрощенной системы выдачи разрешений для центров обработки данных, производства полупроводников, объектов и энергетической инфраструктуры, гарантируя при этом безопасность
- Развитие электросети, соответствующей темпам внедрения инноваций в ИИ
- Восстановление американского производства полупроводников
- Создание высокозащищенных центров обработки данных для использования военными и разведывательными службами
- Подготовка квалифицированной рабочей силы для инфраструктуры ИИ
- Укрепление кибербезопасности критически важной инфраструктуры
- Продвижение дизайна безопасных технологий и приложений ИИ
- Содействие развитию федерального потенциала в области реагирования на инциденты с ИИ

Лидерство в международной дипломатии безопасности ИИ

- Экспорт американского ИИ союзникам и партнерам
- Противодействовать китайскому влиянию в международных органах управления
- Усиление контроля за экспортом вычислений с использованием ИИ
- Устранение лазеек в существующем контроле за экспортом полупроводниковых изделий
- Согласование мер защиты на глобальном уровне для защиты американского экспорта чувствительных технологий
- Ключевая роль правительства США в оценке рисков национальной безопасности в рамках передовых моделей
- Инвестиции в биобезопасность

Рис. 1. *Американская стратегия развития ИИ (источник: сост. автором по: America's AI Action Plan. (2025). [Электронный ресурс]. https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2025/07/Americas-AI-Action-Plan.pdf (дата обращения: 01.02.2026))*

Fig. 1. *The US Strategy of AI Development*

Построение инфраструктуры

- Построение фабрик ИИ (динамичных экосистем, которые способствуют инновациям, сотрудничеству и развитию в области ИИ), включая Гигафабрики (более 100000 процессоров развитого ИИ)
- Инвестирование в Гигафабрики
- Создание систем поддержки для повышения пропускной способности облачных систем и центров обработки данных в ЕС

Доступ к высококачественным данным

- Планируется укрепление информационной экосистемы ЕС путем повышения функциональной совместимости и доступности данных в различных секторах
- Создание при ИИ-фабриках лабораторий данных, которые будут объединять и интегрировать данные из разных ИИ-фабрик, охватывающих одни и те же отрасли, производить очистку и обогащение данных и предоставлять их разработчикам в соответствии с законодательством
- Сокращение бюрократии при обеспечении защиты конфиденциальных данных ЕС при международном обмене
- Развитие совместного облачного ПО, упрощающего управление пространствами данных
- Оптимизация существующего законодательства о данных для снижения сложности и административной нагрузки, и обеспечения эффективности управления данными с учетом законодательства об авторском праве
- Разработка мер предосторожности для обеспечения конфиденциальности, целостности и защищенности совместно используемых данных, что будет способствовать развитию культуры доверия и сотрудничества

Разработка и внедрение алгоритмов ИИ

- Планируется дискурс по внедрению, основанный на конкретных примерах использования ИИ в ключевых европейских отраслях промышленности и государственном секторе, а также диалоге со стейкхолдерами
- Использование Европейских центров цифровых инноваций как ключевых факторов продвижения и внедрения ИИ
- Использование европейских ИИ на всех этапах производства: от разработки до маркетинга

Развитие навыков проектирования и использования ИИ

- Расширение круга специалистов по ИИ в ЕС как через подготовку новых кадров, так и через приманивание зарубежных специалистов
- Повышение квалификации и переподготовка рабочей силы и населения ЕС, в т. ч. через использование Европейских центров цифровых инноваций
- Повышение осведомленности и грамотности в области ИИ
- Способствование диалогу по ИИ для всех членов общества

Соответствие законодательству ИИ

- Обеспечение свободного трансграничного оборота и согласованных условий доступа на рынок ЕС
- Запуск службы поддержки, которая станет центральным информационным центром по законодательству в отношении ИИ, позволяя заинтересованным сторонам обращаться за помощью и получать индивидуальные ответы
- Выявление необходимых дополнительных мер, которые необходимы для содействия бесперебойному упорядоченному и простому применению Закона об ИИ, особенно для небольших компаний
- Подготовка имплементирующих делегированных актов и руководящих принципов, способствующих, например, согласованному применению Закона об ИИ в соответствии с отраслевым законодательством о продуктах
- Разработка стандартов в поддержку Закона об искусственном интеллекте и Кодекса практики в области искусственного интеллекта общего назначения

Рис. 2. *Направления стратегического развития Евросоюза и мер их достижения (источник: сост. по: the AI Continent Action Plan. (2025). [Электронный ресурс]. https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/ai-continent-action-plan (дата обращения: 01.02.2026))*
Fig. 2. *Directions of the European Union's Strategic Development and Measures for Achieving Them*

инфраструктуры ИИ; раскрытие потенциала данных в государственном и частном секторах; обучение, привлечение и удержание следующего поколения ученых в области ИИ; обеспечение безопасности и надежности ИИ посредством регулирования; использование ИИ в выполнении государственных задач через схему сканирования возможностей ИИ; отработки пилотных проектов и масштабирования опыта на основе сотрудничества государства и частного сектора в области ИИ; устранение барьеров для внедрения ИИ в частном секторе.

Также страна пытается опереться на неоколониальные отношения между Великобританией и развивающимися государствами, укрепляя свои позиции в качестве модернизирующей силы для этих стран (Bennani-Taylor, 2024). При этом в настоящее время безопасности и этике ИИ уделяется меньше внимания, чем раньше — акцент сместился на безопасность информации[1]. Несмотря на это, Великобритания стремится позиционировать себя как менее строгую в отношении защиты данных по сравнению с ЕС (Kazim et al., 2021).

При этом разрабатывается новое законодательство, ориентированное на ИИ-неведения, поскольку считается, что это может препятствовать инновациям и не обладает достаточной гибкостью и адаптивностью. Вместо этого предлагается набор ненормативных ключевых принципов, таких как безопасность, защищенность и надежность, прозрачность и объяснимость, справедливость, подотчетность и управление, а также возможность оспаривания и возмещения ущерба, которые могли бы интерпретироваться и применяться существующими органами власти (Charlesworth, 2025).

Китайская национальная стратегия 2017 г.[2] состояла из 3 ступеней, отмечая 2020, 2025 и 2030 гг. как ключевые точки в достижении уровня ведущих стран, прорыва в ключевых технологиях и мирового лидерства в области ИИ соответственно. Структурная схема китайской стратегии изображена на рисунке 3. Как видно из этой схемы, развитие ИИ во многом походит на стратегию ЕС в плане построения инфраструктуры и фабрик ИИ, однако с большим включением государства и ИИ в жизнь общества. Кроме того, в стратегии значительно большая роль выделена исследовательской составляющей, нацеленной на достижение прорывных результатов в области разработки ИИ.

В обновленной стратегии «Искусственный интеллект +» к 2027 г. планируется ввод нового поколения интеллектуальных терминалов, агентов и других приложений с уровнем проникновения более 70 %, к 2030 г. этот уровень планируется довести до 90 %, а к 2035 г. — «новый этап развития интеллектуальной экономики и интеллектуального общества». Ожидается интенсифицировать не только разработку ИИ-проектов и увеличивать применение ИИ в производстве на всех его этапах и обслуживания товаров и услуг, но и использовать ИИ-инструментарий в социальных и философских исследованиях, а также в сельском хозяйстве, включая вопросы селекции. Планируется не только модернизация сферы услуг, основанной на ИИ, но и создание новых форматов потребления. Предлагается реализация ком-

[1] Department for Science, Innovation & Technology. (2025, September 03). *Artificial Intelligence sector study-2024*. [Электронный ресурс]. https://www.gov.uk/government/publications/artificial-intelligence-sector-study-2024/artificial-intelligence-sector-study-2024 (дата обращения: 01.02.2026).

[2] State Council of the People's Republic of China. (2017). *Next Generation Artificial Intelligence Development Plan*. [Электронный ресурс]. https://fi.china-embassy.gov.cn/eng/kxjs/201710/P020210628714286134479.pdf (дата обращения: 01.02.2026).

Рис. 3. *Основные направления китайской стратегии развития ИИ (источник: сост. по: State Council of the People's Republic of China. (2017). Next Generation Artificial Intelligence Development Plan. [Электронный ресурс]. https://fi.china-embassy.gov.cn/eng/kxjs/201710/P020210628714286134479.pdf (дата обращения: 01.02.2026))*
Fig. 3. *Main Directions of the Chinese Strategy of AI Development*

плексного подхода, направленного на повышение компетентности сотрудников в сфере ИИ, расширение его применения в формировании новых профессиональных направлений и развитии существующих специальностей, изучение инновационных моделей организации труда и взаимодействия человека с компьютером. Параллельно планируется интеграция технологий ИИ в такие ключевые области общественной жизни, как культура, физическая активность населения и сфера

семейных отношений. Важная роль отводится совершенствованию законодательной базы, регулирующей использование ИИ, разработке нормативных актов и этических стандартов, направленных на обеспечение информационной безопасности, минимизацию рисков возникновения ошибок и искажений («галлюцинаций») в работе ИИ, а также достижение максимальной открытости и надёжности эксплуатации интеллектуальных систем. Отдельное внимание уделяется международному аспекту, в котором говорится о важности развития глобальной системы управления ИИ под эгидой ООН, подчеркивается важность международного сотрудничества в углублении открытости в области ИИ, продвижении продуктов с открытым исходным кодом и сокращения глобального разрыва в области ИИ[1].

Особенность китайского подхода к развитию ИИ заключается в том, что, несмотря на существенное количество лозунгов и директив, принимаемых на правительственном уровне, индустрия искусственного интеллекта в основном управляется целым рядом местных, субнациональных и негосударственных субъектов, которые имеют разнообразные, а иногда и конкурирующие интересы и связаны с ориентацией на прибыль, а не на политику, что приводит к логике развития ИИ «снизу вверх» и ускоренному внедрению ИИ в регионах, что ускоряет полномасштабное внедрение ИИ в экономику и общество (Zeng, 2022).

На основании сравнения вышерассмотренных стратегий можно выделить сильные и слабые стороны каждой их них (табл. 1).

Вместе с тем вышеперечисленные стратегии не лишены институциональных ловушек, которые заложены в представленных концепциях развития ИИ, во многом проистекают из недостатков национальных стратегий и могут оказать существенное влияние на становление новых экономических отношений.

В случае американской стратегии первая ловушка — это ловушка главенства частного сектора, когда крупные технологические компании диктуют траекторию развития ИИ, отодвигая на второй план различные мнения и усугубляя дисбаланс сил, при этом сильная зависимость от инноваций, осуществляемых корпорациями, создает риски, связанные с приоритетом прибыли над общественными потребностями (Kak & West, 2024). Следующая ловушка заключается во фрагментации нормативно-правовой базы на уровне штатов при отсутствии координации, что потенциально может привести к путанице в регулировании ИИ и неравномерному развитию как регионов, так и отдельных отраслей. Возможны также проблемы в устранении таких рисков ИИ, как неправильное использование, включая предвзятость ИИ, получаемую исходя из отбора набора данных по обучению (Rozado, 2023). Лидирующая роль США в экспорте ИИ может также распространить эти нерешенные проблемы по всему миру без надежных критериев интерпретируемости. Формальное отношение властей к ИИ, преобразовывание ключевых требований к ИИ в формальные контрольные списки, а не в механизмы стратегического планирования, что негативно влияет как на возможности, так и на риски, которые создает ИИ (Lawrence et al., 2022).

Для ЕС основные проблемы связываются с избыточностью регулирующих мер, которые связаны как со слишком большим количеством принимаемых актов, так

[1] 中华人民共和国国务院 [Государственный совет КНР]. (2025). 国务院关于深入实施 “人工智能+” 行动的意见 [Мнение Государственного совета Мнение о глубоком внедрении инициативы «Искусственный интеллект+]. [Электронный ресурс]. https://www.gov.cn/zhengce/content/202508/content_7037861.htm (дата обращения: 01.02.2026).

Таблица 1

Сильные и слабые стороны национальных стратегий мировых лидеров

Table 1

Strengths and Weaknesses of the National Strategies of the World's Leading Countries

Национальная стратегия	Сильные стороны	Слабые стороны
США	— Снижение затрат, в т. ч. малого бизнеса на соблюдение нормативных требований; — Ускорение коммерциализации ИИ; — Опора на лидерство США перед мировыми конкурентами; — Широкое сотрудничество с промышленностью, научными кругами и международными партнерами способствует принятию американских стандартов	— Разрозненность нормативных требований от штата к штату; — Слабый федеральный надзор; — Сильная зависимость от частного сектора, которая может привести к потере контроля над управлением; — Неравенство в доступе к ресурсам ИИ в разных регионах и демографических группах
ЕС	— Значительные инвестиции; — Повышенное внимание к этике и правам человека; — Скоординированные действия в масштабах всего ЕС уменьшают фрагментацию, улучшают обмен данными и стимулируют внедрение в стратегических секторах	Осторожность регулирующих органов, особенно Закона об искусственном интеллекте, может привести к подавлению инноваций, сдерживанию инвестиций, зависимости от иностранных технологий
Великобритания	— Наличие конкретных сроков и численных показателей введения отдельных пунктов; — Схема «сканирование возможностей — пилотные проекты — масштабирование»	— Сильная зависимость от частного сектора, которая может привести к потере контроля над управлением; — Гибкость регулирования и отход от этических норм может подорвать доверие к внедряемым мерам и ИИ в целом; — Разрозненность регулирования
Китай	— Государство координирует усилия регионов и бизнеса, выступает инвестором и заказчиком технологий; — Ответственность за развитие ИИ-экономики возложена на местные власти, что стимулирует конкуренцию между провинциями, курс на развитие ИИ «снизу вверх»; — Курс на технологическую самостоятельность	— Отсутствие единой, жёстко скоординированной «сверху» политики; — Этические и социальные риски, связанные с усилением государственного контроля; — Проблема разрозненности данных и недостаточной координации между ведомствами тормозит эффективное использование ИИ

Источник: сост. автором.

и со стремлением создать наиболее совершенное законодательство в плане регулирования ИИ, что затрудняет развитие европейских ИИ. Это усугубляется двухуровневым законодательством — общим для ЕС и отдельными национальными особенностями законодательства стран-членов, что усложняет работу ИИ-компаний, распространяющих свою деятельность на несколько стран. Излишнее регулирование и сложность доступа к финансированию порождает «утечку мозгов»

ИИ-специалистов из ЕС в другие страны (Iuga & Socol, 2024). Британская система управления ИИ попадает в ловушку децентрализированного управления, когда за развитие технологии отвечают сразу 6 регуляторов (Управление уполномоченного по информации, Управление финансового контроля, Управление пруденциального регулирования, Банк Англии, Регулирующее агентство по лекарственным средствам и товарам медицинского назначения, Управление по вопросам конкуренции и рынков, а также Управление по коммуникациям[1]). Предполагается, что эти регуляторы будут сотрудничать друг с другом, однако вопрос практического сотрудничества и координации усилий остается открытым: для решения данной проблемы в 2020 г. был создан Форум по сотрудничеству в области цифрового регулирования, в который вошли только 4 из 6 регуляторов.

Китайские институциональные ловушки связаны с разрозненностью и децентрализацией данных между отдельными ведомствами и регионами, ввиду чего, несмотря на огромный потенциальный набор данных, фактически образуются фрагментированные потоки данных в разных отраслях, что препятствуют развитию ИИ-моделей. Второй институциональной ловушкой является «Дилемма разработчика», в случае Китая проявляющаяся в выборе следования запросам текущего рынка или более фундаментальным глобальным исследованиям. Китайским компаниям часто выгодно отдавать предпочтение специализированным, компактным моделям, адаптированным к конкретным сценариям, нежели более универсальным ИИ, предоставляемым американскими компаниями[2].

В 2024 г. появилось новое понятие — «Манхэттенская ловушка», касающаяся попыток построения в рамках гонки ИИ искусственного супер-интеллекта, что фактически является институциональной ловушкой глобального масштаба, планируемого к использованию не только в рамках экономики, но и в рамках гонки вооружений, приводящей к стратегии силового доминирования, нежели межстрановой кооперации. При этом авторы выделяют риски потери контроля над супер-ИИ, избыточная концентрация власти в рамках не столько даже государства, сколько в руках отдельных акторов, контролирующих ИИ. В связи с этим авторы рассматривают перспективу построения супер-ИИ как дилемму доверия, в которой существует два равновесия Нэша: одно — в котором оба государства сотрудничают развитии ИИ; другое — в котором они отказываются от кооперации (Katzke & Futerman, 2024).

5. Основные направления совершенствования стратегии развития цифровых технологий в России

Как показывает обзор проанализированных выше стратегий, гонка за мировое лидерство в области ИИ является достаточно напряженной, при этом хотя Россия и имеет существенный потенциал в разработке и использовании ИИ, ее текущее положение оставляет желать лучшего. Так, за 2024 г. Россия в рэнкинге Глобального Индекса ИИ занимала 31-е место, уступая не только мировым лидерам, Великобритании ((4) — здесь и далее в скобках будут указаны места) и стра-

[1] DAC Beachcroft. (2025). *The approach to the regulation of AI in the UK*. [Электронный ресурс]. https://www.dacbeachcroft.com/The-approach-to-the-regulation-of-AI-in-the-UK (дата обращения: 01.02.2026).

[2] World Economic Forum. (2025). *Blueprint to Action: China's Path to AI-Powered Industry Transformation*. [Электронный ресурс]. https://reports.weforum.org/docs/WEF_Blueprint_to_Action_Chinas_Path_to_AI-Powered_Industry_Transformation_2025.pdf (дата обращения: 01.02.2026).

нам ЕС, но также Австралии (17), Саудовской Аравии (14), ОАЭ (20) и Бразилии (30). Если рассматривать декомпозицию индекса России, то относительно государственной стратегии (21) и уровня развития ИИ (20) дела обстоят относительно неплохо, однако по остальным показателям заметны существенные провалы — это касается и исследований (37), операционной среды (30), развития инфраструктуры (44) и, что самое тревожное, талантов (разработчиков, ученых и ИИ-профессионалов) (58) из 83 стран мира[1]. В принципе, слабые стороны российской позиции в области ИИ достаточно хорошо изложены в пункте 1716 Национальной стратегии развития ИИ[2]. Для приближения к лидирующим позициям в области развития ИИ России необходима масштабная работа по развитию комплексных мер поддержки соответствующих разработок. Эта работа должна вестись по двум направлениям: наращивание реального потенциала по отстающим от мировых лидеров параметров и развитие системы управления экономикой, основывающейся на ИИ-технологиях, включая анализ новых взаимоотношений между экономическими агентами в условиях складывающихся в рамках Индустрии 5.0 для избегания возникновения новых угроз экономических шоков, а также попаданий экономики России в ряд институциональных ловушек, как тех, с которыми уже начинают сталкиваться лидеры в области ИИ, так и специфичных непосредственно для России.

В первую очередь необходимо упрочить позиции России в сфере патентования научных исследований и разработок в области ИКТ и ИИ. Несмотря на то, что в данной сфере за неполные 10 лет произошла смена лидера (если в 2016 г. лидирующие места по патентной активности занимали американские компании (Цветкова, 2017), то в 2024 г., согласно отчету Всемирной организации интеллектуальной собственности (WIPO), первые места по патентам принадлежали китайским компаниям[3], Россия, согласно отчету WIPO, отсутствует в приводимой первой десятке стран — лидеров по ИИ. Однако простое увеличение количества патентов или предприятий, специализирующихся на разработке ИИ, еще не означает их эффективное использование. А. В. Гусев и соавторы предупреждают о неправильности механического подсчёта количества компаний, поскольку такой метод контроля приведет к появлению многочисленных стартапов, ориентированных на краткосрочное существование и «осваивание» инвестиций, а не на создание реальных продуктов (Гусев и др., 2022). Эту же опасность таит и патентование без реализации патентов в реальных продуктах и услугах.

Однако достаточно серьезно стоит вопрос о том, на каких именно направлениях отечественной экономики идет усиление цифровизации. В. С. Усков показывает, что существенный потенциал цифровизации в РФ сконцентрирован в сферах информационно-коммуникационных технологий, Интернет-торговли, услуг и финансов (Усков, 2022). Однако это не те отрасли, которые смогут обеспечить стране

[1] White, J., & Cesareo, S. (2024). *The Global AI Index*. [Электронный ресурс]. https://www.tortoisemedia.com/data/global-ai#further-reporting (дата обращения: 01.02.2026).

[2] Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года. (2024). В редакции Указа Президента Российской Федерации от 15.02.2024 №124. [Электронный ресурс]. https://science-expert.ru/docs/Национальная%20стратегия%20развития%20искусственного%20интеллекта%20на%20период%20до%202030%20года.pdf (дата обращения: 01.02.2026).

[3] WIPO. (2024). *Patent Landscape Report: Generative Artificial Intelligence*. [Электронный ресурс]. https://www.wipo.int/web-publications/patent-landscape-report-generative-artificial-intelligence-genai/assets/62504/Generative%20AI%20-%20PLR%20EN_WEB2.pdf (дата обращения: 01.02.2026).

технологическое лидерство. О. А. Романова отмечает важность концентрации сил по росту цифровизации именно на развитие цифровой экономики в промышленном секторе (Романова, 2018). Действительно, распространение цифровизации на такие направления, как «здравоохранение», «государственное управление» и «умный город», также важны, но они не обеспечат стратегическое преимущество в развитии страны, пока опираются на устаревшие и во многом импортируемые технологии. Н. А. Ганичев и О. Б. Кошовец (2022) рассматривают два основных направления развития России в условиях текущих геополитических и экономических ограничений: если краткосрочной задачей становится обеспечение работы критической информационной инфраструктуры, то в долгосрочном плане необходим отказ от догоняющего развития и переход на создание технологий следующего поколения, способных стать следующим поколением технологий, включая микроэлектронику и не связанные непосредственно с микропроцессорным производством технологии.

При развитии цифровизации и искусственного интеллекта в России необходимо обращать внимание на возникающие негативные последствия и заранее разрабатывать стратегии их нейтрализации. Представители финансовых структур ЕС отмечают, что ИИ, в частности, может оказывать негативное воздействие на занятость в отдельных секторах и работников, а также на заработную плату и неравенство (Dedola et al., 2023).

В связи с этим необходимо решать проблему собственных технологий, прежде всего, проблему кадрового обеспечения. В первую очередь это касается диспропорций в образовании, когда большая часть талантов благодаря системе ЕГЭ получает возможность поступления в вузы столичных регионов, оставаясь там после обучения, что сокращает количество специалистов и исследователей в регионах и неизбежно приводит к росту отставания остальных регионов от Москвы и Санкт-Петербурга, в т. ч. в сфере разработки и применения ИИ. Вторая проблема — это разрозненная координация управления ИИ. Согласно Карте игроков рынка ИИ России v.2.0[1], за развитие ИИ в экономике России, за формирование нормативов, правил и распределение средств отвечают 12 органов власти, что существенно затрудняет единство и координацию реализации стратегии в целом по стране.

Некоторые опасения представляет собой логика сочетания внедрения ИИ-инструментария на принципах планирования «сверху вниз», в сочетании с подменой качественного содержания количественным. Так, в пункте 514 стратегии[2] показано: «Качественное развитие российской науки в области искусственного интеллекта должно осуществляться путем… закрепления показателей отнесения научных исследований в области искусственного интеллекта к высокому уровню (публикации на конференциях в области искусственного интеллекта уровня A*) и среднему уровню (публикации на конференциях в области искусственного ин-

[1] ЦТИИ «Нейролаб». (2025). *Карта игроков рынка ИИ России v.2.0*. [Электронный ресурс]. https://neirolab.ru/project/karta-igrokov-ai (дата обращения: 01.02.2026).

[2] Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года. (2024). В редакции Указа Президента Российской Федерации от 15.02.2024 № 124. [Электронный ресурс]. https://science-expert.ru/docs/Национальная%20стратегия%20развития%20искусственного%20интеллекта%20на%20период%20до%202030%20года.pdf (дата обращения: 01.02.2026).

теллекта уровня А и в научных журналах первого квартиля «Белого списка»)»[1]. Однако это чревато увеличением публикационной активности в области искусственного интеллекта вместо уделения внимания непосредственно разработке и внедрению полноценных российских разработок в области ИИ. Особенно это касается сферы ИИ, где разработка осуществляется не только и не столько в научных заведениях, сколько бизнесом, далеком от академических публикаций, ввиду чего данная мера стимулирования разработок не достигнет нужного результата. Вопрос вызывает и пункт 516[2] в частях «а», «б» и «в», подразумевающих усиление бюрократизации образовательной деятельности в плане переработки документации, нежели соответствие образовательных программ требованиям реального рынка. Гораздо более актуальны в этом пункты «г» – «е», обеспечивающие реальную связь науки, промышленности и образования. Есть вопросы и к ряду показателей для оценки, представленных в пункте 281[3]. Кроме частей «г» и «д», связанных с публикационной активностью, сомнительность использования которой для эффективности разработок и внедрения ИИ-инструментов обсуждалась выше, вопросы вызывают и части «ж», «з», «и», не только потому что достижение столь высоких процентов по уровню доли работников с навыками владения ИИ, доверию граждан и готовности к внедрению ИИ в столь короткие сроки мало достижимо в реальности, но также и потому что данные показатели легко фальсифицируемы, что может привести к формальным сигналам о выполнении целей стратегии, но существенному отставанию в реальной ситуации.

Серьезным препятствием к реализации стратегии развития ИИ является цифровое неравенство, причем доступ к использованию ИИ фактически формирует новый, четвертый тип цифрового неравенства, наряду с доступом к Интернету и компьютерному обеспечению, цифровой грамотности и доступности Интернет-услуг. Как показывает исследование С. П. Земцова, межрегиональные диспропорции в уровне использования ИИ имеют тенденцию к росту (Земцов, 2025). При этом в Стратегии развития отрасли связи достаточно слабо выявлены стратегии борьбы с цифровым неравенством. В стратегии развития отрасли связи в качестве меры по борьбе с цифровым неравенством говорится об обеспечении доступа к телефонной, мобильной связи и сервисам передачи данных[4]. В то же время В. В. Макаров и соавторы (2020) показывают существенную неравномерность финансирования цифровой трансформации регионов. Однако ничего не говорится о возможности усиления цифрового неравенства в случае внедрения и применения ИИ-инструментов. При этом доступ к Интернет-технологиям не является единственным источником цифрового неравенства. И. Ю. Жилина (2019) обращает внимание на перспективу увеличения неравенства между отечественными

[1] Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года. (2024). В редакции Указа Президента Российской Федерации от 15.02.2024 № 124. [Электронный ресурс]. https://science-expert.ru/docs/Национальная%20стратегия%20развития%20искусственного%20интеллекта%20на%20период%20до%202030%20года.pdf (дата обращения: 01.02.2026).

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] Стратегия развития отрасли связи Российской Федерации на период до 2035 года. (2023). Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 24 ноября 2023 г. № 3339-р. с.6. [Электронный ресурс]. http://static.government.ru/media/files/Pc7fHuejbNvqv17b0RJNv0RIqTo20lUV.pdf (дата обращения: 01.02.2026).

предприятиями-лидерами, осуществившими быстрый переход на активное использование ИИ, и теми компаниями, которые будут внедрять ИИ медленнее или вообще не захотят или не смогут перейти на ИИ.

Крайне важным шагом в практической реализации стратегий развития России является построение прозрачной и объективной системы статистического учета как в области ИКТ в целом, так и в области ИИ. Как отмечал в 2008 г. Ю. Е. Хохлов, имеющиеся официальные данные об использовании ИКТ в социально-экономической сфере и в сфере государственного управления не охватывают важных аспектов и факторов и в целом не позволяют создать адекватную основу для прогнозирования и разработки политики развития информационного общества (Хохлов, 2008). К сожалению, следует признать, что данная проблема не решена до сих пор.

6. Заключение

Проведённый в настоящем исследовании анализ проблем стратегического развития инструментов ИИ в России в сопоставлении с анализом стратегий мировых лидеров в области внедрения ИИ-технологий позволяет сделать ряд важных выводов о перспективах выполнения национальной стратегии развития ИИ.

Отставание России в глобальной гонке за лидерство в ИИ очевидно, что следует из достаточно низких мест, которое страна занимает в рэнкинге по уровню развития технологий искусственного интеллекта. Этому способствует ряд ключевых барьеров, которые включают не только нехватку финансовых ресурсов и высокую стоимость ИИ-решений, но также слабую инновационную и патентную активность, недостаточную цифровую зрелость текущих процессов и низкий уровень автоматизации, кадровые проблемы и общий недостаточный уровень цифровой грамотности, а также правовые ограничения, связанные с защитой данных и межрегиональное цифровое неравенство, и диспропорции в образовании.

Кроме прямых проблем развития нельзя упускать из внимания и институциональные проблемы, которые замедляют эффективное внедрение ИИ-технологий и могут привести к усугублению отставания. В случае российской экономики к ним следует отнести разрозненную координацию управления, логика планирования «сверху вниз» и угрозу подмены качественного содержания количественным.

Однако необходимо обратить внимание и на те институциональные ловушки, которые возникают у стран – мировых лидеров и которые проявляются во многом из слабых сторон их собственных национальных стратегий развития ИИ, таких как возможность утери контроля в пользу корпораций, недостаточность или избыточность законодательного регулирования, проблемы соблюдения этических норм и т. д. Нельзя упускать из виду и общую для мирового сообщества проблему «Манхэттенской ловушки» в контексте разработки супер-ИИ.

Для преодоления отставания и достижения лидирующих позиций России необходимо реализовать комплекс мер, связанных с фокусированием на разработке собственных технологий следующего поколения, избегая механического наращивания числа стартапов и публикационной активности, совершенствованием системы подготовки кадров, устраняя диспропорции между столичными и региональными вузами. Одновременно необходимо преодолеть цифровое неравенство путём целенаправленной региональной политики и выравнивания доступа к ИИ-технологиям. Следуя за опытом стран-лидеров, крайне желательно стимулировать использование ИИ в малом и среднем бизнесе, повышая цифровую грамотность предприни-

мателей. В целом важно обратить внимание и на анализ сильных и слабых сторон национальных стратегий мировых лидеров в области ИИ для модернизации собственной национальной стратегии.

Необходимо обеспечить единство управления развитием ИИ через оптимизацию взаимодействия органов власти, разработать чёткие правовые механизмы регулирования ИИ, балансирующие защиту данных и инновационное развитие, а также наладить систему статистического учета разработки внедрения и использования ИИ-технологий.

Сформулированные в настоящем исследовании рекомендации могут быть использованы для корректировки «Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года» и других профильных документов, таких как разработка программ господдержки инноваций и научных исследований в сфере ИИ. Достижение Россией лидирующих позиций в сфере ИИ требует комплексного подхода, сочетающего технологические, кадровые, управленческие и институциональные решения. Приоритетом должно стать не механическое наращивание количественных показателей, а создание устойчивой системы разработки и применения ИИ с фокусом на его прикладное внедрение в экономику и социальную сферу с максимизацией позитивных и минимизацией негативных последствий данного процесса.

Список источников

Ганичев, Н. А., Кошовец, О. Б. (2022). Цифровая экономика России: к стратегии развития в условиях санкций. *Проблемы прогнозирования,* (6(195)), 94–108. https://doi.org/10.47711/0868-6351-195-94-108

Гусев, А. В., Владзимирский, А. В., Шарова, Д. Е., Арзамасов, К. М., Храмов, А. Е. (2022). Развитие исследований и разработок в сфере технологий искусственного интеллекта для здравоохранения в Российской Федерации: итоги 2021 года. *Digital Diagnostics, 3*(3), 178–194. https://doi.org/10.17816/DD107367

Жилина, И. Ю. (2019). Экономические аспекты использования искусственного интеллекта. *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 2: Экономика. Реферативный журнал,* (2), 123–130.

Земцов, С. П. (2025). Цифровое неравенство и региональное развитие в России в условиях распространения технологий искусственного интеллекта. *Журнал Новой экономической ассоциации,* (2(67)), 225–233. https://doi.org/10.31737/22212264_2025_2_225-233

Лучинкин, М. Ю., Хабаров, В. И. (2021). Информационно коммуникационные технологии как глобальный фактор экономического и технологического влияния. *Проблемы теории и практики управления,* (8), 20–33. https://doi.org/10.46486/0234-4505-2021-8-20-33

Магомаева, Л. Р., Доргушаова, А. К., Абубакарова, Д. А. (2024). Национальная стратегия развития искусственного интеллекта в банковской и финансовой среде. *Вестник ГГНТУ. Гуманитарные и социально-экономические науки, 21*(1), 18–24.

Макаров, В. В., Слуцкий, М. Г., Устриков, Н. К. (2020). Проблемы и задачи цифровой трансформации экономики России. *Международный журнал гуманитарных и естественных наук,* (4-1(43)), 174–177. https://doi.org/10.24411/2500-1000-2020-10329

Романова, О. А. (2018). Стратегии социально-экономического развития регионов РФ в контексте вызовов цифровой экономики. *Известия Уральского государственного экономического университета, 19*(3), 55–68. https://doi.org/10.29141/2073-1019-2018-19-3-6

Усков, В. С. (2022). Развитие информационного общества в РФ: проблемы и перспективы. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз, 15*(2), 120–137. https://doi.org/10.15838/esc.2022.2.80.8

Фомина, А. Н. (2022). Проблемы и перспективы развития рынка искусственного интеллекта в России. *Вопросы инновационной экономики, 12*(2), 1051–1068. https://doi.org/10.18334/vinec.12.2.114607

Фролов, И. Э., Киселев, В. Н. (2025). Искусственный интеллект как драйвер прорывных технологий: глобальные тренды и уроки для России. *Проблемы прогнозирования,* (3), 122–134. https://doi.org/10.47711/0868-6351-210-122-134

Хохлов, Ю. Е. (2008). Стимулы и барьеры на пути реализации Стратегии развития информационного общества в России. *Информационное общество,* (1-2), 37–46.

Цветкова, Л. А. (2017). Технологии искусственного интеллекта как фактор цифровизации экономики России и мира. *Экономика науки, 3*(2), 126–144. https://doi.org/10.22394/2410-132X-2017-3-2-126-144

Bennani-Taylor, S. (2024). Infrastructuring AI: The stabilization of "artificial intelligence" in and beyond national AI strategies. *First Monday, 29*(2). https://doi.org/10.5210/fm.v29i2.13568

Buiten, M. C. (2019). Towards intelligent regulation of artificial intelligence. *European Journal of Risk Regulation, 10*(1), 41–59. https://doi.org/10.1017/err.2019.8

Charlesworth, A. (2025). AI Regulation in the UK. In V. L Raposo (Ed.), *The European Artificial Intelligence Act: Promises and Perils* (pp. 365–392). Cham: Springer Nature Switzerland. https://doi.org/10.1007/978-3-031-98406-8_15

Dedola, L., Ehrmann, M., Hoffmann, P., Lamo, A., Paz-Pardo, G., Slacalek, J., & Strasser, G. (2023). Digitalisation and the Economy. *ECB Working Paper,* (2023/23). http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4626463

Hjaltalin, I. T., & Sigurdarson, H. T. (2024). The strategic use of AI in the public sector: A public values analysis of national AI strategies. *Government Information Quarterly, 41*(1), 101914. https://doi.org/10.1016/j.giq.2024.101914

Iuga, I. C., & Socol, A. (2024). Government Artificial Intelligence readiness and brain drain: Influencing factors and spatial effects in the European Union member states. *Journal of Business Economics and Management, 25*(2), 268–296. https://doi.org/10.3846/jbem.2024.21136

Jobin, A., Ienca, M., & Vayena, E. (2019). The global landscape of AI ethics guidelines. *Nature machine intelligence, 1*(9), 389–399. https://doi.org/10.1038/s42256-019-0088-2

Kak, A., & West, S. (2024). A modern industrial strategy for AI?: Interrogating the US approach. AI Nationalism (s). *AI Now Institute*. [Электронный ресурс]. https://ainowinstitute.org/publication/a-modern-industrial-strategy-for-aiinterrogating-the-us-approach (дата обращения: 01.02.2026).

Katzke, C., & Futerman, G. (2024). The Manhattan Trap: Why a Race to Artificial Superintelligence is Self-Defeating. *arXiv.* https://doi.org/10.48550/arXiv.2501.14749

Kazim, E., Almeida, D., Kingsman, N., Kerrigan, C., Koshiyama, A., Lomas, E., & Hilliard, A. (2021). Innovation and opportunity: review of the UK's national AI strategy. *Discover Artificial Intelligence, 1*(1), 14. https://doi.org/10.1007/s44163-021-00014-0

Lawrence, C., Cui, I., & Ho, D. E. (2022). *Implementation Challenges to Three Pillars of America's AI Strategy.* [Электронный ресурс]. https://dho.stanford.edu/wp-content/uploads/AI_Implementation.pdf (дата обращения: 01.02.2026).

Mah, P. M. (2024). National AI Strategies. *European Research Studies Journal, 27*(4), 1196–1215.

Mike, N. (2024). *Global Perspectives on AI Governance: A Comparative Overview.* [Электронный ресурс]. https://unipub.lib.uni-corvinus.hu/10648/1/paper4-2.pdf (дата обращения: 01.02.2026).

Molhova, M., & Biolcheva, P. (2023). Strategies and policies to support the development of ai technologies in Europe. *Strategies for Policy in Science & Education / Strategii na Obrazovatelnata i Nauchnata Politika, 31,* 69–79. https://doi.org/10.53656/str2023-3s

Noh, K. S. (2025). "AI New Deal" as a national AI investment strategy. *Journal of Digital Convergence, 23*(2), 27–34. https://doi.org/10.14400/JDC.2025.23.2.027

Radu, R. (2021). Steering the governance of artificial intelligence: national strategies in perspective. *Policy and society, 40*(2), 178–193. https://doi.org/10.1080/14494035.2021.1929728

Rozado, D. (2023). The political biases of ChatGPT. *Social Sciences, 12*(3), 148. https://doi.org/10.3390/socsci12030148

Sun, N., Miao, Y., Jiang, H., Ding, M., & Zhang, J. (2024). From principles to practice: A deep dive into AI ethics and regulations. *arXiv.* https://doi.org/10.48550/arXiv.2412.04683

Zeng, J. (2022). *Artificial intelligence with Chinese characteristics: National strategy, security and authoritarian governance.* London: Palgrave Macmillan, 132.

References

Bennani-Taylor, S. (2024). Infrastructuring AI: The stabilization of "artificial intelligence" in and beyond national AI strategies. *First Monday, 29*(2). https://doi.org/10.5210/fm.v29i2.13568

Buiten, M. C. (2019). Towards intelligent regulation of artificial intelligence. *European Journal of Risk Regulation, 10*(1), 41–59. https://doi.org/10.1017/err.2019.8

Charlesworth, A. (2025). AI Regulation in the UK. In V. L Raposo (Ed.), *The European Artificial Intelligence Act: Promises and Perils* (pp. 365–392). Cham: Springer Nature Switzerland. https://doi.org/10.1007/978-3-031-98406-8_15

Dedola, L., Ehrmann, M., Hoffmann, P., Lamo, A., Paz-Pardo, G., Slacalek, J., & Strasser, G. (2023). Digitalisation and the Economy. *ECB Working Paper,* (2023/23). http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4626463

Fomina, A. N. (2022). Challenges and development trends of the artificial intelligence market in Russia. *Voprosy innovatsionnoy ekonomiki [Russian Journal of Innovation Economics], 12*(2), 1051–1068. https://doi.org/10.18334/vinec.12.2.114607 (In Russ.)

Frolov, I. E., & Kiselev, V. N. (2025). Artificial Intelligence as a Driver of Breakthrough Technologies: Global Trends and Lessons for Russia. *Studies on Russian Economic Development, 36*(3), 378–387. https://doi.org/10.1134/S1075700725700108 (In Russ.)

Ganichev, N. A., & Koshovets, O. B. (2022). Rethinking Russian Digital Economy Development Under Sunctions. *Studies on Russian Economic Development, 33*(6), 645–655. https://doi.org/10.1134/S1075700722060041 (In Russ.)

Gusev, A. V., Vladzymyrskyy, A. V., Sharova, D. E., Arzamasov, K. M., & Khramov, A. E. (2022). Evolution of research and development in the field of artificial intelligence technologies for healthcare in the Russian Federation: results of 2021. *Digital Diagnostics, 3*(3), 178–194. https://doi.org/10.17816/DD107367 (In Russ.)

Hjaltalin, I. T., & Sigurdarson, H. T. (2024). The strategic use of AI in the public sector: A public values analysis of national AI strategies. *Government Information Quarterly, 41*(1), 101914. https://doi.org/10.1016/j.giq.2024.101914

Iuga, I. C., & Socol, A. (2024). Government Artificial Intelligence readiness and brain drain: Influencing factors and spatial effects in the European Union member states. *Journal of Business Economics and Management, 25*(2), 268–296. https://doi.org/10.3846/jbem.2024.21136

Jobin, A., Ienca, M., & Vayena, E. (2019). The global landscape of AI ethics guidelines. *Nature machine intelligence, 1*(9), 389–399. https://doi.org/10.1038/s42256-019-0088-2

Kak, A., & West, S. (2024). A modern industrial strategy for AI?: Interrogating the US approach. *AI Nationalism (s). AI Now Institute.* https://ainowinstitute.org/publication/a-modern-industrial-strategy-for-aiinterrogating-the-us-approach (Date of access: 01.02.2026).

Katzke, C., & Futerman, G. (2024). The Manhattan Trap: Why a Race to Artificial Superintelligence is Self-Defeating. *arXiv.* https://doi.org/10.48550/arXiv.2501.14749

Kazim, E., Almeida, D., Kingsman, N., Kerrigan, C., Koshiyama, A., Lomas, E., & Hilliard, A. (2021). Innovation and opportunity: review of the UK's national AI strategy. *Discover Artificial Intelligence, 1*(1), 14. https://doi.org/10.1007/s44163-021-00014-0

Khokhlov, Yu. E. (2008). Incentives and barriers to the implementation of the Strategy for the Development of the Information Society in Russia. *Informatsionnoe obshchestvo [Information Society],* (1-2), 37–46. (In Russ.)

Lawrence, C., Cui, I., & Ho, D. E. (2022). *Implementation Challenges to Three Pillars of America's AI Strategy.* https://dho.stanford.edu/wp-content/uploads/AI_Implementation.pdf (Date of access: 01.02.2026).

Luchinkin, M. Yu., & Khabarov, V. I. (2021). Information and communication technologies as a global factor of economic and technological influence. *Problemy teorii i praktiki upravleniya [Problems of theory and practice of management],* (8), 20–33. https://doi.org/10.46486/0234-4505-2021-8-20-33 (In Russ.)

Magomaeva, L. R., Dorgushaova, A. K., & Abubakarova, D. A. (2024). National strategy for the development of artificial intelligence in the banking and financial environment. *Vestnik GGNTU. Gumanitarnyye i sotsial'no-ekonomicheskiye nauki [Herald of GSTOU. Humanitarian, social and economic sciences], 21*(1), 18–24. (In Russ.)

Mah, P. M. (2024). National AI Strategies. *European Research Studies Journal, 27*(4), 1196–1215.

Makarov, V. V., Slutsky, M. G., & Ustrikov, N. K. (2020). Problems and challenges of digital transformation of the Russian economy. *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i yestestvennykh nauk [International Journal of Humanities and Natural Sciences],* (4-1(43)), 174–177. https://doi.org/10.24411/2500-1000-2020-10329 (In Russ.)

Mike, N. (2024). *Global Perspectives on AI Governance: A Comparative Overview.* https://unipub.lib.uni-corvinus.hu/10648/1/paper4-2.pdf (Date of access: 01.02.2026).

Molhova, M., & Biolcheva, P. (2023). Strategies and policies to support the development of ai technologies in Europe. *Strategies for Policy in Science & Education / Strategii na Obrazovatelnata i Nauchnata Politika, 31,* 69–79. https://doi.org/10.53656/str2023-3s

Noh, K. S. (2025). "AI New Deal" as a national AI investment strategy. *Journal of Digital Convergence, 23*(2), 27–34. https://doi.org/10.14400/JDC.2025.23.2.027

Radu, R. (2021). Steering the governance of artificial intelligence: national strategies in perspective. *Policy and society, 40*(2), 178–193. https://doi.org/10.1080/14494035.2021.1929728

Romanova, O. A. (2018). Russian regions' socioeconomic development strategies in the context of challenges posed by the digital economy. *Izvestiya Uralskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta [Journal of the Ural State University of Economics], 19*(3), 55–68. https://doi.org/10.29141/2073-1019-2018-19-3-6 (In Russ.)

Rozado, D. (2023). The political biases of ChatGPT. *Social Sciences, 12*(3), 148. https://doi.org/10.3390/socsci12030148

Sun, N., Miao, Y., Jiang, H., Ding, M., & Zhang, J. (2024). From principles to practice: A deep dive into AI ethics and regulations. *arXiv.* https://doi.org/10.48550/arXiv.2412.04683

Tsvetkova, L. A. (2017). Technologies of artificial intelligence as the factor of digitalization of economy in Russia and in the world. *Ekonomika nauki [Economics of Science], 3*(2), 126–144. https://doi.org/10.22394/2410-132X-2017-3-2-126-144

Uskov, V. S. (2022). Development of the information society in the Russian Federation: Problems and prospects. *Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 15*(2), 120–137. https://doi.org/10.15838/esc.2022.2.80.8 (In Russ.)

Zemtsov, S. P. (2025). Digital divide and regional development in Russia in the context of artificial intelligence diffusion. *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii [Journal of the New Economic Association],* (2(67)), 225–233. https://doi.org/10.31737/22212264_2025_2_225-233 (In Russ.)

Zeng, J. (2022). *Artificial intelligence with Chinese characteristics: National strategy, security and authoritarian governance.* Palgrave Macmillan.

Zhilina, I. Yu. (2019). Economic aspects of using artificial intelligence. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 2: Ekonomika. Referativnyj zhurnal [Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 2: Economics. Abstract Journal],* (2), 123–130. (In Russ.)

Информация об авторе

Бучинская Ольга Николаевна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Центр экономической теории, Институт экономики УрО РАН; https://orcid.org/0000-0002-5421-2522 (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: buchinskaia.on@uiec.ru).

About the author

Olga N. Buchinskaia — Cand. Sci. (Econ.), Senior Research Associate, Center for Economic Theory, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; https://orcid.org/0000-0002-5421-2522 (29, Moskovskaya St., Ekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: buchinskaia.on@uiec.ru).

Дата поступления рукописи: 22.12.2025.
Прошла рецензирование: 14.01.2026.
Принято решение о публикации: 10.02.2026.
Received: 22 Dec 2025.
Reviewed: 14 Jan 2026.
Accepted: 10 Feb 2026.